

записали от Анны Дмитриевны бытовые и свадебные плачи. (АКНЦ 75/33, 35; Базанов, 1945. С. 34; Чудовищные злодеяния... С. 137–138).

221. РОМБАЧЕВА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВНА, 1918 г.р., д. Кузаранда. В 1986 г. (год записи) ей было 68 лет. Собирателям – студентам ПГУ рассказывала, что семья была «не велика», а усадьба большая. Работников не было. Запомнила страшный голод, который испытывали. Сестру «прибабили» в 15 лет. Александра Яковлевна кончила пять классов, дальше не получилось: умерла мать. Ей пришлось взять на себя все хозяйство: печь хлеб, доить корову и т. д. От Александры Яковлевны В. Г. Фролова и Е. В. Бориц записали былички, предание, загадку, анекдот. (АКНЦ 179/102).

222. РУМЗИНА АННА ВАСИЛЬЕВНА, 1900 г.р., родилась в д. Падмозеро. Грамотная. Выросла в большой крестьянской семье, где было девять детей. Училась только два года в церковно-приходской школе, а с одиннадцати лет начала работать дома по хозяйству. Очень много сказок и присказок знала сестра ее отца Марфа Ивановна. Очень любила рассказывать. А еще она любила петь песни. Звали ее, сказала Анна Васильевна, «баба Нюня». Сказочницей была и Оксинья Федоровна Румзина, родственница Анны Васильевны. «Она, бывало, все ребята тешила. Детей собирались одних своих семнадцать человек около нее (большая семья была), она все им и рассказывала. Умерла она в 90 лет». Дочь, которая уже сама далеко не молодая была, говорила: «Бабка, напустилась ты жить, поведай для чего». Но бабушка до конца своей жизни была на своих ногах, память имела хорошую: «детей посадит одного на одно колено, другого на другое и сказки все про царей рассказывала».

От Анны Васильевны в 1982 г. Н. Ф. Онегина и А. Т. Пакконен записали песни – свадебные, любовные, кадрильные и о календарных праздниках. Песни она исполняла вместе с 60-летней Анной Ивановной Коробовой и 66-летней Анной Федоровной Федоровой.

В год записи А. В. Румзиной было 82 года, жила в д. Толвуя. (АКНЦ 147/55а).

223. РЯБИНИН ИВАН ТРОФИМОВИЧ, родился в 1846¹ г. в д. Потаневщина (Середка), умер в феврале 1908² г. в д. Гарницы. Сын Т. Г. Рябинина. До 1878 г. И. Т. Рябинин жил в доме отца, где и усвоил его былинный репертуар. Известно, что он исполнял 15³ былин и духовные стихи, но со временем его репертуар сузился, и в записях сохранилось только 6 былин. После смерти первой жены И. Т. Рябинин женился на вдове Герасима Яковлевича Андреева из д. Гарницы и переселился в ее дом.

¹ По данным Ревизских сказок ЦГАРК С. В. Воробьева установила, что И. Т. Рябинин родился в 1846 г. – См.: Воробьева, 1997. С. 29.

² В ОГВ (1912, № 87) неизвестный автор статьи «По поводу предстоящего пения былин» П. Т. Виноградовым указывает, что И. Т. Рябинин умер 2 февраля 1909 г. – Составитель.

³ Солнышкова А. М., учитель словесности Петрозаводской женской гимназии, сообщает, что И. Т. Рябинин знал 17 былин и 8 духовных стихов. – См. № 223а нашего издания. – Составитель.

В книге «Русские сказители Карелии» К. В. Чистов цитирует психологический портрет И. Т. Рябинина, написанный и опубликованный Е. В. Ляцким в «Этнографическом обозрении» в 1894 г.: «В свои пятьдесят лет Иван Трофимович выглядит гораздо моложе. В его русых волосах и бороде не просвечивает седина; серые глаза глядят молодо, бодро и добродушно. Небольшого роста, одетый в поддевку старинного покроя, т.н. азяму, с тихой, вдумчивой речью и неторопливыми движениями, он производит впечатление спокойного и рассудительного человека. Принадлежа к приверженцам „старой веры“, Иван Трофимович ревниво оберегает ее догмы: он вина не пьет, не курит, строго блюдет все посты, во время которых питается только капустой да квасом, и является в дом, куда его приглашают петь, не иначе, как со своим стаканом в кармане. Если прибавить к тому, что дома наш певец счастливый семьянин, а в поле и на рыбном промысле – неутомимый работник, то станет понятной та умилительная простота и душевная уравновешенность, которые оказываются сразу, при первом знакомстве с ним, и невольно вызывают симпатии и внимание к его невзрачной, худощавой фигуре». (Ляцкий, 1894; Чистов, 1980. С. 88).

В 1893–1894 гг. при содействии П. Т. Виноградова, учителя Петрозаводской женской гимназии, состоялись выступления И. Т. Рябинина в Петербурге и Москве.

Из упомянутой ранее книги К. В. Чистова узнаем, что первое выступление И. Т.

Рябинина состоялось в Петербурге 8 января 1893 г. на заседании этнографического отдела РГО. Вступительную речь произнес Ф. М. Истомин, который, будучи в 1886 г. в Заонежье записывал от Рябинина тексты. Рябинин спел былины «Вольга и Микула», «Бой Добрыни со змеем», «Илья Муромец в ссоре с Владимиром» и др., а также два духовных стиха – «Об Иване Златоусте» и «Вознесение». Тексты были записаны на фонограф представителем компании Эдиссона Нильсона и музыкантю Ю. И. Блоком. Записи расшифровали А. С. Аренский и Н. А. Янчук. Позднее, использовав эти расшифровки, А. С. Аренский сочинил «Фантазию на темы Рябинина для фортепиано с оркестром». Газета «Правительственный вестник» подчеркивала, что «Рябинин своим звонким голосом и красивым напевом вызвал полное одобрение многочисленного собрания». А газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала 9 января: «Это еще очень бодрый крестьянин, державший себя совершенно свободно и, по-видимости, нисколько не

Рябинин Иван Трофимович

смутившийся многочисленным собранием: на вид ему нельзя даже дать сорока восьми лет. Голос его довольно сильный и чрезвычайно симпатичный». (Чистов, 1980. С. 87, 88, 90).

И. Т. Рябинин пел в Петербурге и Москве в разных ученых обществах, учебных заведениях, а также в частных домах. Например, 15 января он выступал в седьмой петербургской гимназии; 18 января – на заседании Русского литературного общества; в эти же дни пел в домах – председателя этнографического отдела РГО акад. В. И. Ламанского, вице-президента АН акад. Я. К. Грота, председателя песенной комиссии РГО Т. И. Филиппова. На одном из заседаний присутствовал И. Е. Репин и воссоздал его портрет.

На одном из академических выступлений И. Т. Рябинина в Москве в 1894 г. с речью выступил академик Вс. Миллер, в которой сказал: «Из занесенной снегом своей деревеньки Гарница, Кижской волости <...> И. Т. Рябинин явился как живое предание глубокой старины, как один из последних хранителей эпической традиции. <...> Только в его пении былина перестает для нас быть каким-то навеки закрепленным печатью произведением. <...> Никакое детальное научное изучение не может воспроизвести в нашем воображении того впечатления живой старины, которое мы получили от безыскусственного пения олонецкого крестьянина». (Миллер Вс., 1897. С. 2).

Е. Ляцкий в упомянутом выше очерке передал ту атмосферу, в которой выступал И. Т. Рябинин: «На середину зала выдвигалась обыкновенно кафедра, ставился стол и стул, на столе возвышался графин с квасом, вокруг размещались преподаватели <речь идет об учебных заведениях>, их семьи, родители и родственники воспитанников, воспользовавшихся случаем, затем живописная группа самих учащихся с преобладающим выражением любопытства на молодых улыбающихся лицах, – и обстановка для Рябинина готова. После краткого выступления одного из учителей, которого нередко Рябинин предварял, что мол „ты не долго говори обо мне-то, еще кудассь поспеть надо“, он медленно поднимался по ступенькам кафедры, кланялся на все стороны, садился, откладываясь несколько к спинке стула и, подняв кверху голову, застывал в этом положении. Еще несколько мгновений водворялась мертвая тишина, и его задушевный, несколько сдавленный, но мягкий и высокий тенорок раздавался в зале, сразу очаровывая слушателей оригинальностью и красотой напева. Некрасивые, неподвижные черты его исхудалого лица приобретали новое выражение – необыкновенной важности, почти суровости, глаза его смотрели сосредоточенно и спокойно. Пел сказитель большей частью одни и те же былины: про Вольгу и Микулу, Илью Муромца и Соловья Разбойника, Добрыню и духовные стихи на распятие и на воскресенье. По окончании каждой былины восторгам и аплодисментам не было конца, но Рябинин относился к ним, наружно, по крайней мере, довольно равнодушно. После пения его окружала обыкновенно юная толпа и вступала с ним в оживленный разговор. Надобно было слышать, с какой простотой и, вместе с тем, с каким сознанием своего достоинства отвечал наш певец на самые разнообразные и подчас наивные вопросы воспитанников». (Ляцкий, 1895; Чистов, 1980. С. 90).

Е. Ляцкий пишет в очерке, что И. Т. Рябинин очень любил былины, бережно к ним относился и пел «с большим вдохновением». Когда его спрашивали: «Иван Трофимович, любишь ли ты свои старинки?». Он отвечал: «Не любил бы, не пел бы». – «И ты веришь, что все это, что в былине поется, правда?». – «Знамо дело – правда. А то какая же потреба и петь их», – слышали в ответ. Не любил И. Т. Рябинин и когда его прерывали во время пения или просили исполнить только начало былины, а затем продолжить речитативом, или петь былину частями. «А может лучшие-то слова к концу скажутся. <...> А я как могу не петь-то. Нешто из песни слово-то выкинешь. На то она и старина, что как старики певали, так и нам петь надо. Сам знаешь, не нами сложено, не нами и кончится». (Ляцкий, 1894. С. 112–113; Базанов, 1939. С. 16).

В очерке «Иван Трофимович Рябинин и его былины» Е. А. Ляцкий писал: «Столица ни в чем не изменила ни вкусов, ни привычек Рябинина. У себя на „фатере“ (в номерах на углу Воздвиженки и Моховой) он все свое свободное время посвящал своему деревенскому делу – вязанию сетей, для чего предусмотрительно были захвачены им и нужные снасти, „палицы“ и „клещевицы“». (Ляцкий, 1894; Чистов, 1980. С. 88).

Ни успех от выступлений, ни деньги, которые ему предлагали, не могли заглушить у И. Т. Рябинина тоски по дому, по обычной крестьянской жизни в деревне. Антрепренеры в Петербурге и Москве досаждали его с утра до вечера, а он, сообщает Е. Ляцкий, постоянно беспокоился: «„Ладно ли в семье-то, и не случилось ли чего, сохрани бог, со скотиной“ и говорил:

– А уеду я домой от вас, – больно соскучился ужо, во соберусь и уеду. Прах их побери – деньги <...>

– Что ты, что ты, Иван Трофимович, сам себе враг, что ли... От своего счастья бежишь... Да, если хочешь, так я помогу тебе в одну неделю тысячу рублей на жить... Вот – даю тебе честное слово... Честное слово – слышишь... Мы заключим с тобой условие, договор такой, понимаешь.

– Эх, да человек я темный, неграмотный... – нерешительно заявляет Рябинин.

– Да и не нужна твоя грамотность. Ты только крест поставь на бумаге, крест – вот так, а остальное устрою я сам. Только – чтоб одного меня слушаться, не иначе, – уговаривал антрепренер.

Подобный буржуазно-предпринимательский подход к фольклору привел к тому, что сказитель „стал чрезвычайно подозрительно относиться к факту записывания его былин учеными собирателями“. Он категорически заявил, что в Москве былинок диктовать не станет: „Будет, – что записано, то и довольно“.

– Приезжай ужо в Петрозавоцько, – там напою тебе, сколько хошь, – говорил Иван Трофимович Евг. Ляцкому». (Ляцкий, 1894. С. 123–124; Базанов, 1939. С. 14).

В книге Б. Соколова «Сказители» читаем: «Предприниматели, художники, писатели, ученые и прочая публика – надоели Рябинину. В один прекрасный день Иван Трофимович внезапно собрался и, никого не предупредив, уехал к себе на Север. Бежал из шумной столицы к своему простому быту и привычному труду». (Соколов Б., 1924. С. 92).

В статье «Эпическая поэзия русского народа» В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов также отмечали, что «Иван Трофимович был человек своеобразный и не любил, чтобы за ним записывали. Ученый фольклорист Ю. М. Соколов, побывавший на родине Рябинина в 1926–1928 годах и знавший его семью, пишет о нем так: „Иван Трофимович был человек хозяйственный, крутого нрава, горячий, вспыльчивый. Будучи старообрядцем, табаку не курил, вина не пил. Детей воспитывал строго“». (Пропп, Путилов, Т. 1. С. XXI).

Возвращаясь в Петрозаводск, И. Т. Рябинин выступил 18 августа 1894 г. на отчетном заседании мужской гимназии, спел былину «Добриня и змей». ОГВ писали, что сказитель и пение произвели такое же впечатление, как и на слушателей Петербурга и Москвы. Кроме того, газета сообщала, что в Москве 24 декабря 1893 г. с П. Т. Виноградовым беседовал Л. Н. Толстой и, узнав, что Рябинин поет «до шести тысяч стихов, сказал ему: „Такой певец, как Рябинин, смело может быть назван феноменом не только для России, но и для всей Европы“». (ОГВ, 1894. № 64). Московское общество естествознания, антропологии и этнографии вручило в 1894 г. И. Т. Рябинину медаль с надписью «лучшему сказителю нашего времени». А благодаря Т. И. Филиппову, который очень интересовался сказителем, мелодии былин были записаны музыкантами. (ОГВ, 1902. № 30; Базанов, 1939. С. 13).

В 1902 г. П. Т. Виноградов, будучи уже в отставке и живя в Петербурге, пригласил И. Т. Рябина и предложил ему поехать за границу: в славянские страны Западной Европы – Болгарию, Сербию, Австро-Венгрию, Чехию. Мысль о поездке за границу принадлежала вице-президенту АН Л. Н. Майкову. В Петербурге Рябинин остановился у П. Т. Виноградова и пробыл там около месяца.

5 марта И. Т. Рябинин выступал в зале РГО. Он исполнил былины об Илье Муромце, Микуле Селяниновиче, Добрине Никитиче и духовный стих об Иоанне Златоусте. П. Т. Виноградов сделал сообщение о сказителе и о бытованиях былин. (ОГВ, 1902. № 30).

19 марта состоялось выступление И. Т. Рябина в доме графа И. И. Воронцова-Дашкова, где присутствовал Великий князь Михаил Александрович – наследник императора. Рябинин исполнил былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Микула и Вольга», «Добриня и змей» и духовный стих «Погребение Христа». Наследник поинтересовался у Рябина его семьей, занятиями его детей и поют ли они былины. Узнав, что И. Т. Рябинин собирается за границу, пожелал успеха в предстоящей поездке». (ОГВ, 1902. № 40).

24 марта И. Т. Рябинин пел в Малахитовом зале Зимнего дворца в присутствии императора и императрицы Александры Федоровны с детьми, он пел былины «Илья и Соловей-разбойник», «Микула и Вольга». Их величества следили за текстом былин по сборнику А. Ф. Гильфердинга. П. Т. Виноградов давал краткие пояснения. Император поинтересовался, куда дальше поедет сказитель, и «изволил пожаловать большую золотую медаль с надписью „за усердие“ для ношения на шее на Станиславской ленте, и золотые часы, на верхней крышке которых – государственный герб; при часах золотая цепочка». Золотые часы были пожалованы и П. Т. Виноградову. (ОГВ, 1902. № 40).

Из ОГВ также известно, что в Киеве И. Т. Рябинин пробыл недолго. 23 апреля одна из газет писала, что И. Т. Рябининым заинтересовались все учебные заведения, «он пел и „сказывал“ былины и духовные стихи в течение всех дней истекшей недели». Сказитель выступал во всех мужских гимназиях, в коммерческом училище, духовной семинарии, фундуклеевской гимназии, частной женской гимназии А. Т. Дучинского и др. Пение былин «всякий раз вызывало бурное проявление детского восторга». (ОГВ, 1902. № 46).

27 апреля состоялось выступление И. Т. Рябинина в Турции – в русском посольстве в Константинополе. На вечере присутствовали болгарский министр внутренних дел Лучканов и дипломатический агент Гешов. И. Т. Рябинин имел большой успех. (ОГВ, 1902. № 49).

Успех И. Т. Рябинина в Болгарии и Сербии превзошел все ожидания. В Филипполе (ныне Пловдив) в мужской гимназии его слушало около 400 человек, все аплодировали и кричали: «Живьо, хвала». В честь гостей был устроен пикник «в беседке у подножия горы Буранджик. <...> Проводы были так сердечны, что Рябинин плакал». (ОГВ, 1902. № 64, 65; 1905. № 98). 2 мая он пел в Софии в зале славянского клуба, где присутствовало около 800 слушателей, в Нише – 200. (ОГВ, 1902. № 64; 1905. № 98).

В Белграде выступление И. Т. Рябинина проходило 8 мая в зале Королевского театра. Организатором выступала Академия наук, члены которой во главе с президентом находились на сцене полукругом около Рябинина и Виноградова. Публики было около 1000 человек. Присутствовали министры, иностранные послы, сенаторы, депутаты, митрополит, племянник короля и т. д. Необходимые пояснения давал П. Т. Виноградов. С речью выступил профессор университета г. Белич. Сербский король Александр из-за болезни не смог присутствовать в театре и пригласил И. Т. Рябинина на другой день во дворец.

10 мая в присутствии короля и королевы Сербии сказитель пел в Малом дворце. Присутствовало около 80 человек. После пения король Александр лично вручил И. Т. Рябинину золотую медаль для ношения на груди, затем был ужин и бал. Во время бала король и королева долго беседовали с Виноградовым и сказителем. (ОГВ, 1902. № 57, 64; 1905. № 98).

11 мая И. Т. Рябинин выступал в Белградской женской гимназии. Через полгода после отъезда гостей, когда гимназия получила от Российской АН сборник «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга, одна из учениц выучила былину «Добрыня и Змей», которую пел в гимназии И. Т. Рябинин, и стала ее исполнять. (ОГВ, 1905. № 98).

Известно, что в одном только Белграде И. Т. Рябинин выступил восемьдесят раз. Как в Болгарии, так и в Сербии пелись не только русские эпические песни, но исполнялись и сербские былины.

13 мая И. Т. Рябинин выступал уже в Венском университете, где известный славист академик Ягич давал необходимые объяснения слушателям, которых было до 80 человек – студентов, профессоров. 14 мая сказитель выступал в кружке любителей русского языка, где присутствовало более 100 человек. (ОГВ, 1905. № 98).

18 мая И. Т. Рябинин и П. Т. Виноградов прибыли в Прагу, а 19-го Рябинин выступил в кружке по изучению русского языка. Слушателей было около 250 человек, среди них много профессоров, учителей. Чешские дамы свободно говорили на правильном русском языке с гостями. Перед пением с речью выступил редактор газеты г. Грубый. (ОГВ, 1905. № 98).

В Варшаве И. Т. Рябинин пел 23 мая в университете, а 24 мая в зале Русского собрания. И что примечательно, 20 мая Рябинин навестил в Варшаве вдову П. Н. Рыбникова – Анжелику Константиновну Рыбникову. В 1860 г. Рыбников записывал былины от Т. Г. Рябинина – отца И. Т. Рябинина. А с 1866 г. П. Н. Рыбников был назначен вице-губернатором в г. Калиш, где и умер в 1885 г., 29 октября. (Чистов, 1980. С. 95).

В 1902 г. в рапорте министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру П. Т. Виноградов писал, как они путешествовали: «около месяца <...> И. Т. Рябинин пел в Константинополе, в Филипполе, в Софии, в Нише, в Белграде, в Вене и в чешской Праге. Во всех этих городах встречали радушный прием». (Виноградов С., 1958).

Русский посол в Сербии Н. В. Чарыков в своем донесении из Белграда от 22 мая 1902 г. министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу сообщал, что «сказитель русских былин Рябинин <...> имел в Сербии замечательный и вполне заслуженный успех». В. Н. Ламздорф в свою очередь в письме министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру от 9 июля 1902 г. писал, что поездка Рябинина в Сербию «немало способствовала укреплению духовной связи между Россией и Сербией». (Виноградов С., 1958).

223а. Из статьи учителя словесности Петрозаводской женской гимназии А. С~~олнышковой~~ «Возвращение Рябинина на родину»: «Быть может, многие обыватели Петрозаводска с удивлением встречали 6-го июня на улицах города

странную фигуру туриста и с недоумением спрашивали себя: кто это своеобразный старик? Пройти мимо и не заметить его – не было возможности: в лучах солнца ослепительно сияла на груди старика на Станиславской ленте большая золотая медаль с изображением в профиль Государя Императора Николая II. Костюм старика поражал своим набором: крестьянский азям из темно-синего сукна и высокие сапоги по колено, а на голове шляпа котелком, в одной руке тонкий шелковый зонтик, в другой небольшой кожаный саквояж изящной работы. Худощавое и бледное лицо старика скромно сияло, маленькие кроткие глазки радостно светились: еще бы! Он прогуливался по родному городу после 3-месячного отсутствия и

Рябинин Иван Трофимович

прогуливался с медалью на шее, пожалованной ему самим „Царем Батюшкой“, который „соизволил“ вместе с „Матушкой Милосердной Господней“ слушать его „былинки про стародавнюю старинушку“ (24/III-1902 г. в Зимнем дворце). Во внутреннем кармане старика азяма запрятаны тоже подарки Высоких слушателей: золотые часы с государственным гербом на крышке и с цепочкой – это дар Государя Императора; другие золотые часы, с венком на верхней крышке и щитом посередине – это от Великого князя Константина Константиновича; на внутренней стороне крышки надпись: Мраморный дворец, 17-го марта 1902 года, от Е. И. Великого князя Константина Константиновича. К этим часам тоже золотая цепочка с маленьkim брелком-компасом. Третий подарок в кармане старика – это золотая медаль, лично пожалованная Серbsким королем Александром. Она небольшого размера, для ношения на груди, на ленте цветов белого с голубым в полоску. Лицевая сторона медали украшена государственным гербом Сербии с надписью внизу в виде развевающейся ленты: „време и мое право“. На другой стороне медали изображено: „За услуге Крольевом Дому“.

Котелок, зонтик и саквояж – это подарки Рябинину его заграничных почитателей. Отсюда Иван Трофимович повез свой азям в холщевом мешке. В изящном саквояже Рябинин хранит свой „походный снаряд“: липовую ложку, пестро раскрашенную деревянную чашку и толстый граненый стакан. Всем этим, отправляя мужа в „путь-дорожку“, на „чуждальнюю сторонушку“, снабдила Рябинина его „старуха“, обеспокоенная мыслью, чтобы муж вдали от дома не „обмиршился“, не „опоганился от чужой посуды“. И стариk бережно пронес свою „особенную посудину“ через все 7000 верст своего странствования.

Голова старика полна рассказами и впечатлениями о виденных им странах, городах, людях... В самой глубине сердца залегли чувства и мысли о посещении им 24/III Зимнего дворца, о „ласковом и добром“ Государе, о „полномощной“ красавице Царице и о двух маленьких царевнах, „которы белы-белешеньки, белее бела снега“. С восхищением вспоминает стариk и Государя наследника, который изволил слушать его в доме г. Воронцова-Дашкова. Мраморный дворец и его радушные хозяева, угощавшие Рябинина после пения чаем, произвели на старика чарующее впечатление. Во время чая Великий князь Дмитрий Константинович распрашивал Рябинина о Клименецком монастыре и его „деятельном“ настоятеле, о Варнаве.

Очень приветливо отнеслись к Рябинину и сербские король и королева. Особенно понравилось Рябинину то, что королева не дурно говорит по-русски. Умение говорить по-русски Иван Трофимович очень ценит. Так, болгары ему понравились больше, чем сербы, потому что их язык „понятнее“, а сербский „малопонятен“.

Рассказов о своем путешествии Иван Трофимович привел так много, что их хватит ему, наверное, на всю жизнь, а для волости своей он будет драгоценной находкой на целую зиму. Рассказы из своего путешествия стариk философски закончил фразой: „И вижу я теперь, Михайловна, что чем знатнее господин, тем добреe и проще он с мужиком. А и лучше всех – Царь-Батюшка!“.

Рябинин познакомил нас со многими номерами из своего репертуара.

Несмотря на 60 лет голос его сохранил силу и свежесть. Прежде всего мы прошли его пропеть те былины, которые приказал ему петь Государь Император, это были „Илья Муромец и Соловей-Разбойник“ и затем „Микула Селянинович и Вольга Святославович“. Напевы этих двух былин, совершенно различные, особенно красив звучный напев второй. Есть еще третий напев для былины „Добрыня Никитич и Змей Горыныч“. Все былины, за исключением двух последних, старик поет напевом (всего он знает 17 былин). Рябинин не только поет хорошо, но и прекрасно говорит былины „по-словечко“, т. е. декламирует их. В декламировании сильно заметно отчетливое произношение двух особенно высоких слов каждой строки. Особенно сильное ударение – второе.

Кроме былин, Рябинин мастерски исполняет духовные стихи, сохраняя для них четыре разнообразных напева. Он знает стихи – О Вознесении, Тайной вечери, Арике-царе и Николае-Угоднике, Голубиной книге, Алексее – человеке божьем, Георгие-Храбром и Страшном суде. Рыдающий напев „Тайной вечери“ хватает слушателя прямо за душу... В молодости своей Рябинин знал много народных песен (лических, но теперь, по его словам, „запамятовал“ их, скорее и не хочет вспоминать, считая, что они старику не к лицу. 7-го <июня 1902 г.> Рябинин уехал к себе в деревню. А. С.» (ОГВ, 1902. № 68). (Подробнее о И. Т. Рябинине, о его выступлениях в Петербурге, Москве и славянских странах см.: Ляцкий, 1894. С. 105; Виноградов, 1906; Соколов Б., 1924. С. 88; Базанов, 1939. С. 12; Базанов, 1947. С. 71; Виноградов С., 1958, 23 ноября; Виноградов С., 1960. С. 413; Криничная, 1977. С. 137; Чистов, 1980. С. 85; Базанов, 1981. С. 97; Чистов, 1982. С. 66; Кораблев, 1997. С. 78; Захарова, 1977а. С. 413).

223б. Былины И. Т. Рябинина в большинстве своем остались незаписанными. Из опубликованных известны только шесть былин: «Вольга и Микула», «Добрыйня и змей», «Молодец и худая жена», «Иван Грозный и его сын», «Скопин-Шуйский», «Королевичи из Крякова». Сравнивая былины И. Т. Рябинина с отцовскими, исследователи отмечали в его исполнении устойчивость редакций отца, от которого он усвоил былины. Считали, что он не обладал, как отец «потребностью проявления личного творчества», и даже был склонен сокращать свой оригинал, не любил повторения. А небольшие изменения, которые он вносил, – перестановка эпизодов, замена одного слова другим и т. д. не меняли текста былин. (Ляцкий, 1906. С. 24; Спранский, Т. II. С. XXXV; Астахова, 1941а. С. 32; Астахова, 1938. Т. I. С. 71).

О. В. Захарова, рассматривая проблему эпической памяти и проблему сохранения и развития сюжета на уровне мотивов в былине четырех поколений Рябининых, пришла к выводу, что «дословного воспроизведения былины нет даже при повторном исполнении сюжета одним и тем же сказителем, не говоря о разных сказителях. Единственным устойчивым элементом в вариантах былин является мотив» (Захарова, 1997. С. 77; также см.: Путилов, 1997. С. 6–14 – о необходимости разработки методики сопоставления вариантов былин).

223в. В 1926 г. в д. Гарница работала экспедиция ГАХН «По следам Рыбникова и Гильфердинга»; ее участники записали былины от представителей четвер-

того поколения сказителей Рябининых: внуков Ивана Трофимовича - П. И. Рябинина-Андреева и П. В. Рябинина, и от внука Трофима Григорьевича - К. Г. Рябинина. Первые два жили в доме, построенном И. Т. Рябининым в 1894 г. Петр Васильевич Рябинин занимал светёлку, «где находилась молельня Ивана Трофимовича и где он принимал почетных гостей» (см. № 226 нашего издания).

В этом доме Иван Трофимович жил до конца своих дней и умер 2 февраля 1908 (1909 ?) г. Он похоронен в селе Сенная Губа, на старом кладбище. На могиле сказителя в июне 1974 г. был установлен временный деревянный знак без текста мемориальной надписи. Дом не сохранился. Долгое время он пустовал, а в 1950-х годах «сруб дома был продан П. И. Рябининым-Андреевым жителям села Сенная Губа на дрова». (Криничная, 1977. С. 137; Криничная, Фролов, 1977а. С. 141).

224. РЯБИНИН КИРИК ГАВРИЛОВИЧ, 71 год, в прошлом малоземельный крестьянин дер. Середка. В течение 30 лет был сторожем на пристани в Кижском погосте. Родной внук Трофима Григорьевича Рябинина, сын его старшего сына Гаврилы Трофимовича¹, не любимого отцом за пьянство и поэтому раньше всех выделенного из дома. Гаврила Трофимович был плохим хозяином, и Кирику Гавrilovichу пришлось самому поднимать все хозяйство. Он был очень работящий крестьянин. В 1910 г. произошло с ним несчастье: во время молотьбы в барабан молотилки нечаянно попала его левая рука, и кисть была вся переломана. На руке остались три пальца. Торчащие в разные стороны. Тем не менее, стариk держится очень бодро <сед, сухощав, ласков> и продолжает работать. Вместе с Кириком Гавrilovichem живет его сын, Михаил Кирикович, крестьянин нового склада и новых взглядов, общественный работник, поэт и хороший земледелец. В то же время Михаил Кирикович - прославленный в округе дружка. От него были записаны нами прысказки (более 1200 стихов). Былин Михаил Кирикович не заучивал и поэтому спеть их не мог. Кирик Гавrilovich рассуждал так: «Конечно, есть много и выдуманного, но есть и много правды; богатыри были: вот в городах в музеях показывают их доспехи. Вот у нас поля покрыты камнями; камни выворочены в сторону. Кто как не Микула Селянинович мог такие камни свернуть?». Былины Кирик Гавrilovich усвоил от своего дяди Ивана Трофимовича. Тот, возвращаясь из Петербурга с деньгами, побоялся зимою ехать через озеро с чужим человеком. Кирик Гавrilovich работал тогда в Петрозаводске и взялся проводить его домой. По дороге Иван Трофимович пел былины. Кирик Гавrilovich, несмотря на свой возраст, сохраняет бодрость духа, любит шутить и недавно сочинил два стихотворения, которыми очень гордится. Одно из них посвящено красноармейскому празднику, и написано оно в духе старинных солдатских песен, а другое является сатирической поэмой о краже коня в пасхальную ночь. У Кирика Гавrilovicha семья состоит из жены-старушки, двух женатых сыновей, дочери-вдовы и старушки-сестры. Старший сын живет в Петрозаводске и помочи отцу не оказывает. У Михаила Кириковича - жена и трое детей (о дочери Марии Кириковне см. № 237, 237а, 237б нашего издания). Сестра Агра-

¹ У Гаврилы Трофимовича было 9 детей, из которых шестеро умерли в детском возрасте. – Соколов Ю. М.